

Действующие лица:

ВЕРА ИВАНОВНА — актриса, 65 лет

НИНА СЕРГЕЕВНА — бывшая актриса, ныне суфлер, 65 лет

Действие происходит в репетиционном зале старого театра, на последнем, пятом этаже.

Весна. Понедельник. Выходной день в театре.

В репетиционном зале полумрак. Большая эта комната расположена на последнем, пятом этаже театра, в самом захолустном и неприглядном месте. Сюда работники театра сносят всё, что не нужно: все старые декорации, весь ненужный реквизит.

Вот на тарелке большой поросенок из папье-маше, краска с него слезла и поросенок выглядит, как кучка грязи.

Вот старая пальма пластмассовая, в кадушке.

Вот венки похоронные, штук десять, в угол свалены.

Вот в мешках листья пластмассовые, красно-жёлтые.

В углу сундук стоит, он раскрыт, в сундук свалена куча старых костюмов – позолота с обшлагов мундиров выглядывает. Стоят два манекена, на них фраки, побитые молью. От стенки к стенке протянута веревка бельевая, на ней на плечиках (сушатся будто) разные костюмы висят – сюртуки и платья кружевные, а на прищепках – носки, майки, брюки, юбки. В углу ширма с китайскими птицами стоит.

По периметру репзала стоит штук тридцать разномастных стульев и кресел: на каких-то ещё можно сидеть, а на других – уже нет, у них ножки подломились. На стенках развешены старые фотографии в рамочках – штук пятьдесят. На фотографиях (сразу видно) – артисты: все как один ручку к подбородку сделали и томно глядят в объектив фотоаппарата, как и положено артистам. Видно, из фойе театра старые фотографии в репзал перенесли – не выкидывать же.

Ещё тут какая-то дряхлая лесенка, ещё канаты висят над залом, несколько прожекторов болтаются справа и слева. Ещё – маленький занавес, маленькие кулисы: такой крохотный обветшалый театр.

За окном - строится новый дом, кран туда-сюда что-то возит.

В репзале за столом сидит ВЕРА ИВАНОВНА. Поправляет прическу. Перед ней папка с бумагами. Напротив сидит и курит, кривя губы, НИНА СЕРГЕЕВНА, дышит тяжело, только вошла. У её ног два огромных чемодана.

Обоим дамам за шестьдесят, но они не распутёхи, обе чего-то с утра пораньше прихорошились. Нина Сергеевна вообще по-спортивному – в брюках, молодится. Вера Ивановна в тёмном платье с брошью, на плечах у неё изысканная сиреневая ажурная шаль.

Между Верой Ивановной и Ниной Сергеевной на столе стоит маленький переносной магнитофон.

НИНА СЕРГЕЕВНА (трясёт ногой). Только не надо, не надо, не надо передо мной изображать всё такое в каждом движении и в слове: «Я такая мудрая-премудрая, я прожила

жизнь и – сейчас, сейчас, секундочку: я всех вас научу вот сейчас, как надо жить». Не надо. Не вопрос.

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. И не собиралась.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Не собирайся. Не надо, не надо.

ВЕРА ИВАНОВНА. Что в чемоданах?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Что надо.

ВЕРА ИВАНОВНА. Куда ты это припёрла? Переезжаешь? Что там?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Переезжаю. Сюда. В ваш гадюшник.

ВЕРА ИВАНОВНА. Он такой же мой, как и твой. Куда ты это припёрла?

НИНА СЕРГЕЕВНА (*вдруг стукнула ладонью по столу так, что «бычки» в пепельнице подскочили*). А куда девать барахло, которое нужно отнести на помойку?! Не вопрос куда – к вам, в театр!

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. Чего ты на меня орёшь? Ты чего-то не с той ноги, кума, пошла плясать.

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Никто не орёт. Надо делать ревизию. Не выкинуть же. Пусть лежит тут. В репзале. Раз тут у вас общая помойка. Раз у вас тут такая - чхинчапура.

ВЕРА ИВАНОВНА. Не у вас, а у нас.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос: у вас. Я посторонняя. Я не нужна тут. Ещё месяц-другой – и свалю вообще. Я тут временно.

ВЕРА ИВАНОВНА. Временно-беременна.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что ж, Вера Ивановна, милочка моя: надо жить, как набежит.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты, милочка моя Нина Сергеевна, тут пропахала 45 лет. Как и я.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Пропахала. (*Пауза*). Точнее: не пахала я. Не пахала!

ВЕРА ИВАНОВНА. Пахала, пахала.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, не пахала! А промучалась я с вами! Жизнь загубили!

ВЕРА ИВАНОВНА. Оно пахнет плесенью.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Кто?

ВЕРА ИВАНОВНА. Твоё добро в чемоданах пахнет плесенью. Прямо слышно.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Я известный заплесневелый мхом пенёк. Это от вас пахнет вкусно и борщом. А от меня – плесенью. Это от вас пахнет. А от меня – воняет.

ВЕРА ИВАНОВНА. На колу - мочало, начинай - сначала. Как много слов.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Всё сказала? Зачем звала? Я пошла.

Нина Сергеевна встала, стоит гордо, высоко закинув голову, сложив руки на животе.

ВЕРА ИВАНОВНА. Не играй Марию Стюарт на эшафоте. Тебе не идёт.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Я знаю, что мне идёт, а что не идет.

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. А в чемоданах?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Письма любовников. Я – известный ходок. Два чемодана, представляешь? И их подношения. Накопилось за жизнь.

ВЕРА ИВАНОВНА. Я спросила – что?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос – письма, говорю. Твоё какое дело? Что? Короче. Зачем звала? Почему тут, в репзале? В гримушке нельзя было встретиться? Или возле дома?

ВЕРА ИВАНОВНА. Стоит, как нагорелая свеча. Стара барыня на вате. Сядь - скажу.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Фу. (*Села, снова закурила, ноги положила на стол*). Руки оборвала.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты прям как в Америке, с ногами на стол.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Я вообще свободный человек – что хочу, то и делаю. Скоро на дачку, скоро отпуск, осточертел ваш театр. Эти все рожи! (*Тычет пальцем в фотографии*). Наши все народные-распронародные. Вот эта вот наша Ира – простодыра. Наша Люба – слезь с дуба. Наша Света – вот тебе конфета. И все прочие наши артисты и артистки. Лауреаты и дипломанты, заслуженные-народные. И ты тут, смотри: Вера-Вера-Вера, пахнет серой.

ВЕРА ИВАНОВНА. Раз уж на то пошло, то можно и про тебя сочинить: Нина – вот тебе перина. Или: Нинель – прыгай на постель.

НИНА СЕРГЕЕВНА. И не вопрос. Потому что и не смешно. Не прыгала. Потому, поди, и была на последних ролях. Но – честна! Вот, вот – видишь?! Моей фотографии тут нет. Уже сняли. Уже похоронили. Уже закинули куда-то в угол. У-у-у! (*Стучит ногами, сжимает кулаки*). Не могу до дрожи видеть эти рожи наших артистов! Эти наши все генералы и генералиссимусы, полковники и полковничихи ... (*Подойшла к фотографиям, плюёт на них*).

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, понеслась душа в рай, а нога в милицию ...

НИНА СЕРГЕЕВНА (*продолжает*) ... в орденах и в медальках, в званиях и в наградах, все такие народные-псевдосевооборотные, приближенные и обласканные, известные и популярные, доценты, ректоры, почетные граждане города ...

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты у нас одна прям, гляжу – святее папы римского.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос – святее. Они мне все – и в припев не годятся!

ВЕРА ИВАНОВНА. Давно ли ты такой же была?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос – давно.

ВЕРА ИВАНОВНА. Недавно, дорогуля. Достала ты со своим «не вопрос, не вопрос»!

Хватит уже!

НИНА СЕРГЕЕВНА (*бормочет*). Жополизы все! Жополизы! Жополизы! Жополизы!!!!

Нина Сергеевна достала из сумочки губную помаду и принялась пририсовывать на фотографиях кому усы, кому рога, кому свиначий пятачок.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, мать честная, баба лесная. Ты что делаешь?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Чего надо!

Села, сидит, дышит тяжело, закуривает.

ВЕРА ИВАНОВНА. Всё сделала, всё сказала? Пар вышел?

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА (*снова стучит ладошкой по столу*). Я, как раб на галерах, пахала тут почти пятьдесят лет, а они?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Как кто ты пахала?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Как раб на галерах я пахала! Как на галерах раб я пахала!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ой, Боже ... Раб. Раб. Где-то я это слышала.

Пауза. Нина Сергеевна смотрит в окно, трясёт ногой.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ты не знаешь, почему в театре у вас такие спектакли, с такими названиями?

ВЕРА ИВАНОВНА. С какими?

НИНА СЕРГЕЕВНА. А вот с такими вот! С такими! Вот с такими названиями: «Поминальная молитва», «Он, она, окно и покойник», «Смерть Тарелкина», «Всё кончено», «Билет в один конец», «Пока она умирала», «Дальше – тишина», «Деревья умирают стоя» ... (*Кричит*). Почему?!

ВЕРА ИВАНОВНА. У нас очень симпатичный театр, Нина. Не трясги ногой, стол трясётся.

НИНА СЕРГЕЕВНА. И потрясу! Ну, конечно, не вопрос. Симпотный просто. Симпампуля просто. Симпампулечка эдакая. Баночка с паучочками. Говори, говори так пока. Тебя ведь пока ещё не выкинули.

ВЕРА ИВАНОВНА. И тебя не выкинули. Пошуруди в голове, подумай, что произошло. Тебя просто перевели на другую работу.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Я тебе скажу: это всё по Фрейду. Значит – скоро накроется совсем ваш театр совсем. Потому что: «Поминальная молитва», «Он, она, окно и покойник», «Смерть Тарелкина», «Всё кончено», «Билет в один конец», «Пока она умирала», «Дальше – тишина», «Деревья умирают стоя»!!!! Поняла?!

ВЕРА ИВАНОВНА. А ведь могли бы отправить на пенсию. А тебя перевели. Знаешь, в советское время была такая пьеса: «В связи с переходом на другую работу». Действие происходило на заводе. Производственная драма. О повышении коэффициента работы станков. Я сама играла там, помню, как сейчас.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Станок с коэффициентом ты играла?

ВЕРА ИВАНОВНА. Только «коэффициент» я играла. Поняла?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Дурочку с переулочка ты там играла. Массовку ты всю жизнь играла.

ВЕРА ИВАНОВНА. Тебя перевели на другую работу!

НИНА СЕРГЕЕВНА. А почему тебя не перевели? Ты артистка лучше, что ли?

ВЕРА ИВАНОВНА. Мы – подневольные. Может, мне повезло больше.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. В слове «повезло» корень – «зло». Надо посмотреть правде в глаза: что ты всю жизнь была негодной артисткой и играла всякую дрянь, точно так же, как и я была такой же дрянью и мы были всегда с тобой лишним довеском, с которым не связывались, потому что – чего с чхинчхапуры возьмешь.

ВЕРА ИВАНОВНА. Неправда. Мы с тобой кое-что поиграли. И мы не были «чхинчхапура». Что это ещё за слово?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, правда. Чхинчхапура! Всю жизнь на подхвате: то «у воды» третьим лебедем, то с алебардой на заднем плане, то «кушать подано!», то третий гриб в седьмом ряду. Но всю жизнь держались зубами за это место. А сейчас – тебе не стыдно?

ВЕРА ИВАНОВНА. Стыдно – у кого видно. А я кое-что сыграла.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Как говорится: не флюздюпень, блюздятина.

ВЕРА ИВАНОВНА. Боже, какая ты стала грубая в последнее время!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Кого ты сыграла? Кого?! Я хоть честно признаюсь сама себе: ни-кого. А ты – не можешь признать своё фиаско.

ВЕРА ИВАНОВНА. Чего?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Фиаско. Фиаско!

ВЕРА ИВАНОВНА. Называется: наша мышь не весела, она обьяелась киселя. Касторки ты напилась. Квашеной капустой несет от тебя.

НИНА СЕРГЕЕВНА (не слушает). Тебе-то – что? Вышла на сцену и придуриваешься. А я который месяц сижу за кулисами с текстом и смотрю, как они своими словами пьесы лабают, наши звезды-раззвезды. Своими словами они пересказывают всех – всех! Для них что Островский, что Чехов, что Шекспир – для них не вопрос! Они всех их своими словами! Ты знаешь, что я болею после каждого спектакля, пластом лежу, подняться не могу!

ВЕРА ИВАНОВНА. Нина, а ты не играй за них, а сиди и смотри в текст. И подсказывай, когда надо. И всё. Сколько ты в суфлерах?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не играй, игрунья косорылая. Не вопрос! Сама знаешь. Три месяца я. Три месяца рабом на галерах.

ВЕРА ИВАНОВНА. Вот, видишь. Три месяца. Идет адаптация. Ну, понятно – бывшая артистка, а теперь – суфлер, тебе тяжко. Ты на месте каждой артистки представляешь себя, проигрываешь всё, все роли, вот и болеешь. А не надо. Тебе-то какое дело, что они там говорят и как играют?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Уйду к чёрту вовсе на пенсию. Зачем оно мне надо? Не вопрос. Этот мне вчера, главнюк наш, говорит: «Что вы вечно ходите с кислой сморщенной рожей?»

ВЕРА ИВАНОВНА. Да неправда, он так не мог сказать. Он – вполне интеллигентный человек. *(Пауза).* Хоть и бездарь.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Именно – бездарь!

ВЕРА ИВАНОВНА. Да, бездарь. Но интеллигентная бездарь.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Вечно недоволен всем. Он из породы сморщенных! В ресторан пришел: музыка плохая, громкая, еда невкусная, поужинал на тысячу баксов - сморщился, недоволен. Поехал домой - морщится, всё ему плохо. Дома: всё отвратно в трехэтажном особняке: и жена, и дети, и всё вообще. Утром он сморщится, что утро и едет на работу в театр. В театре всех вздрючит, они все сморщатся тоже, он едет домой, морщится. Вечером - в ресторан и опять: всё плохо, всё не так, он морщится и морщится ... Так что: он мне так сказал! Сказал так! Не вопрос!

ВЕРА ИВАНОВНА. Да не так, поди, сказал.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, не так сказал, а сказал: «Как поживаете?», но с такой вот сморщенной мордой лица сказал, что я сразу поняла его подтекст!

ВЕРА ИВАНОВНА (пауза). Может, он и прав.

НИНА СЕРГЕЕВНА. А?

ВЕРА ИВАНОВНА. Какого черта ты, и правда, вечно ходишь с кислой рожей, как памятник-укор всем нам: а-а, выгнали меня, суфлёршей сделали, а я лучше всех вас всё знаю про вас, потому что я сижу с текстом и вижу всё, что вы там буровите на сцене?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Мне плевать, что они буровят. Я не памятник. Это вы все – памятники. Срёте мрамором давно уже все до одного. А я простая, как мыло. Была. Была, есть и буду. Ну и что, что суфлер. Зато я – белая и пушистая, чистая и прозрачная, честная и откровенная.

ВЕРА ИВАНОВНА. Умная и совестливая.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Отличная и замечательная.

ВЕРА ИВАНОВНА. Суперская-распресуперская.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Трёшь, мнёшь, шире-дале. Не вопрос – суперская. Сомневаешься? Ну, что?

ВЕРА ИВАНОВНА. Да, да.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что – да-да?

ВЕРА ИВАНОВНА. Я только сказала – да-да.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Вот и не «дадакай». Чего надо, короче?

ВЕРА ИВАНОВНА. Я ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Так, короче, чего тебе надо, зачем позвала, великая артистка Ермолова?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты моя лучшая подруга.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Давно это?

ВЕРА ИВАНОВНА. Послушай ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, не вопрос – слушаю. Тормозишь чего-то, давай короче, ну?

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА (встала, красиво ломает руки). Нина! Ниночка! Я бы даже сказала: Нина Сергеевна! Я пригласила тебя, чтобы ты помогла! О! О! О! Ели бы ты знала, насколько это всеобъемлюще важно!

НИНА СЕРГЕЕВНА. А?

ВЕРА ИВАНОВНА. Всеобъемлюще, Ниночка! Всеобъемлюще, понимаешь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. У меня нет денег.

ВЕРА ИВАНОВНА. Нина, ну помолчи.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Дак не вопрос - раз нет у меня денег. Ты – знаменитая артистка. А я простой суфлер, принеси-подай, никто, ничто и звать меня «Никак». Откуда у меня деньги будут? Ко мне все идут: дай, дай, дай, сын, внук, а я где возьму?

ВЕРА ИВАНОВНА. Оскорбленные и обиженные. Отверженные и униженные. Разыгралась!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Так – стоп. Чего тебе надобно, старче?

ВЕРА ИВАНОВНА. Сама «старче». Ты не видишь, как я оделась во всё черное, чтоб было красивее и строже. Всеобъемлюще прекрасно!

НИНА СЕРГЕЕВНА. « Гремит лишь то, что пусто изнутри!» Я чувствую, что ты долго эту сцену дома у зеркала репетировала в чёрном платье.

ВЕРА ИВАНОВНА. Да что ж ты бухтишь и бухтишь?! Ты можешь нормально разговаривать? Без скандала?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос.

ВЕРА ИВАНОВНА. Будешь ты меня слушать?

НИНА СЕРГЕЕВНА. У меня нет денег.

ВЕРА ИВАНОВНА. Да что ж такое, а?! Она как шельма по ярмарке носится. Стой, сядь, не ходи! Будешь слушать меня или нет?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Слухаю тебя.

ВЕРА ИВАНОВНА. Открываю тебе тайну.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, нет, нет! Не надо со своими тайнами, отстань. Я зареклась: никаких сплетен ваших театральных, никаких тайн, ухожу, ухожу от вас.

ВЕРА ИВАНОВНА. В монастырь.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Почти что. На дачу. Никаких тайн. А то я ненароком проболтаюсь, а потом вы меня будете виноватить.

ВЕРА ИВАНОВНА. Замолчи! Слушай меня!

Вера Ивановна встала возле кулис. Подняла руки вверх, шаль упала с плеч. Говорит торжественно:

Я хочу сделать заявку.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Заявку?

ВЕРА ИВАНОВНА. Да. Я бы даже сказала – заявление. Публичное. И прошу тебя о помощи.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Даже страшно.

ВЕРА ИВАНОВНА. Заявка!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну что, что, говори?

ВЕРА ИВАНОВНА. Пойми, Нина, мне только выучить текст. Я не могу его учить дома одна. Я должна репетировать ногами.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ногами?

ВЕРА ИВАНОВНА. Да послушай! В движении! Они начинают репетировать новую пьесу и там главная роль – моя роль. Понимаешь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Какую новую пьесу? Я что-то приказа не видела?

ВЕРА ИВАНОВНА. Мне по великой тайне сказали, что скоро начнут репетировать и там для меня – главная роль.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Чего? Кто тебе даст? Они бортанут тебя, даже если дадут репетировать, бортанут перед премьерой! Ты забыла, как это обычно у нас делается? И играть будет Ира-простодыра, или Света-вот-тебе-конфета, или Люба-слезь-с-дуба – наши народные, понимаешь?! Но не ты! Не наигралась ты ещё в эти игры?

ВЕРА ИВАНОВНА. Помоги, прошу.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да что ж тебе не сидится? Етишкин корень, какие ещё роли? Лежи кверху воронкой на кровати и отдыхай у телевизора, смотри Петросяна и смейся. Ты ж на пенсии? Всё. Я пойду, а? А то мне в молочный надо, потом ещё на рынок надо ... Я устала, у меня спина болит, напрыгалась с утра ...

ВЕРА ИВАНОВНА. Где ты прыгала?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Всё тебе расскажи да покажи. Где надо.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты покидай мне реплики.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Какие тебе реплики?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Нина! Это ж моя тема – материнство. Я всю жизнь эту тему тяну. Там в пьесе мать, понимаешь ли, пытается сохранить семью, ей это плохо удаётся, не получается, но, тем не менее, она пытается. И это так трогательно! Я прям чувствую, как с авансены в зал польётся чистое и светлое, понимаешь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что польётся?

ВЕРА ИВАНОВНА. Чистота и свежесть, радость и счастье, доброта и всякое такое разное ещё. Не чернуха!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос, польётся. Литься будет до последнего ряда. Затопит всех по уши.

ВЕРА ИВАНОВНА. Пойми, это моя тема в искусстве и в творчестве. Я всю жизнь этой темой занималась.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ты про что?

ВЕРА ИВАНОВНА. Галдычу тебе час: я хочу подать заявку в новый спектакль, на главную роль. Заявку, чтоб была как самостоятельная работа, ну – на эту графиню заявка. Понимаешь?! Это моя тема. Материнство, Нина! Материнство!

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ой, пчёлка медоносная. Всю жизнь играла кухарок и разных вонючек, а теперь стала прорабатывать материнскую тему. Ой, беда. Что бы ты в этом понимала? Пойду я, а?

ВЕРА ИВАНОВНА. Всю жизнь гундит. Всю жизнь памятник-укор.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Кому я памятник-укор?

ВЕРА ИВАНОВНА. Своей загубленной артистической карьере. Я заплачу тебе и, стало быть, не гунди, а покидай реплики. Мне только выучить текст и всё, и показаться им, и они упадут. Там в начале пьесы большая сцена со служанкой, мне только её выучить. Ты за служанку будешь.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Прям анекдот. Артистке девяносто пять лет. Приходит она к главному режиссёру в начале сезона и требует: «Я бы хотела знать всё о моей творческой судьбе в этом сезоне ...».

ВЕРА ИВАНОВНА. Мне не девяносто пять, не ври. Ты только покидай реплики. Я заплачу .

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Сколько?

ВЕРА ИВАНОВНА. Чего?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Сколько ты заплатишь?

ВЕРА ИВАНОВНА. Сколько надо?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, не вопрос. Чем больше, тем лучше.

ВЕРА ИВАНОВНА. Внук работает промоутером.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Кем это?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, на улице листовки раздает.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Дожила. её внуки на улицах работают.

ВЕРА ИВАНОВНА. Пусть учится, пусть сам зарабатывает. Час промоутера у него стоит девяносто рублей.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Девяносто?

ВЕРА ИВАНОВНА. Девяносто.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, договорились. Не вопрос. Но ровно через час я уйду. Мне интересно к тому же посмотреть, как ты шмякнешься.

ВЕРА ИВАНОВНА. Не шмякнусь.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос – шмякнешься: мордой об асфальт.

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. Он ещё сказал, что промоутеры должны быть обязательно в майках компании.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну?

ВЕРА ИВАНОВНА. И в этих майках, как он сказал, нельзя в этих майках компании, которую они рекламируют, курить, говорить по телефону и вообще всякое разное, порочащее честь компании, делать ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. У меня нет майки. И я не собираюсь говорить по телефону и курить. И никого порочить не собираюсь. Не вопрос.

ВЕРА ИВАНОВНА. Тогда надень вот это баракло.

Снимает с вешалки платье.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Зачем?

ВЕРА ИВАНОВНА. Чтоб всё было по правде, как на сцене. В нём – кури, говори по телефону, порочь кого хочешь, называй всех сморщенными, только побросай мне реплики.

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. За девяносто рублей?

ВЕРА ИВАНОВНА. За девяносто.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, ладно. Не вопрос.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, ладно. И договорились. Не вопрос.

Пауза. Нина Сергеевна пошла за ширму, переодевается. Что-то мурлыкает. Оттуда:

НИНА СЕРГЕЕВНА. Девяносто?

ВЕРА ИВАНОВНА. Девяносто.

НИНА СЕРГЕЕВНА (бормочет). Погодите, погодите. Я к себе на пятый этаж через две ступеньки поднимаюсь, я ещё на ваших похоронах простужусь, я научу вас свободу любить!

Вера Ивановна подошла к мешку с полиэтиленовыми листьями, вытряхнула листья на пол, разглядывает один листок, улыбается.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты помнишь эти листья?

НИНА СЕРГЕЕВНА (из-за ширмы). Какие?

ВЕРА ИВАНОВНА. Тут, в мешках стоят. Помнишь, как листья эти – двадцать мешков! – нарвала рота солдат. Когда делали спектакль «В поисках радости», нам надо было много листьев. И режиссёр придумал сделать их из красного и жёлтого полиэтилена. Купили несколько рулонов, вызвали роту солдат, и они рвали эти листья, рвали, рвали до упаду, рванье такое сделали ... Помнишь, как было смешно: стояла рота и рвала полиэтилен! Как это было красиво! И такой там был у них начальником лейтенант молоденький, такой красавчик – слов нету! **(Пауза).** Уже, поди, генералом стал ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Маршалом. Ты кого там играла?

ВЕРА ИВАНОВНА (играет с листьями, подбираывает их). Кого я играла. Кого я могла играть. Массовку во втором действии, перед самым занавесом. Ну, хоть её дали.

Пауза.

Нина Сергеевна вышла из-за ширмы в платье, которое она сверху накинула, из-под платья штаны выглядывают.

Держит в одной руке облезлого поросёнка из папье-маше.

ВЕРА ИВАНОВНА. А это зачем?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Я ж за служанку буду.

Пауза.

Вера Ивановна смотрит на Нину Сергеевну.

ВЕРА ИВАНОВНА. Хоть бы штаны сняла.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Зачем? Это ж репетиция.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, мне тогда тоже что-то надеть надо.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Надень. Баракла полно.

Вера Ивановна ушла за ширму.

Нина Сергеевна стоит у зеркала, себя и платье рассматривает.

Тройной юбилей известной актрисы: 60 лет на сцене, 50 лет в профсоюзе и 40 лет со дня рождения.

Вера Ивановна вышла из-за ширмы в кружевном старинном платье, на голове шляпка с вуалью, веер в руках.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, как я?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. *(Встали обе у зеркала, рассматривают себя, молчат).*

Костюм на тебе из серии «Покойницкий». Да и на мне тоже, честно надо сказать. *(Прокашлялась, говорит вдруг другим тоном, громко).* Скажите, вы будете ходить или сижа?

ВЕРА ИВАНОВНА. Чего ты перешла на «вы»? Не «выкай».

НИНА СЕРГЕЕВНА. Дак вы сижа?

ВЕРА ИВАНОВНА. Сижа, сижа. Сижа, лёжа и ходяче. Всё, как полагается, как на репетиции должно.

Встала. Прошла по залу, накинула на себя шаль, прокашлялась, спинку выпрямила.

Потом вдруг засуетилась, принялась пальму толкать в центр зала.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ты чего?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, чтоб была бы какая-то выгородка.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Венки ещё вокруг пальмы поставь.

ВЕРА ИВАНОВНА. И поставлю.

Вера Ивановна поставила вокруг пальмы венки. Отошла в сторону, смотрит.

Пошла к выходу, засунула в ручку входной двери ножку стула.

Чтоб никто не вошёл и не узнал.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ты просто клад, находка для театра. Ты ещё и художник, и завпост! Всё придумала! Какая симпатичная декорация. Театру и тратиться не надо, уже всё есть.

ВЕРА ИВАНОВНА. Эти венки из «Утиной охоты».

Молчат.

НИНА СЕРГЕЕВНА *(грозит кулаком в сторону фотографий).* А меня выгнали – сделали суфлёром. Карячилась им тут всю жизнь, а они меня так опустили в конце жизни.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, хорош уже, дай настроиться.

НИНА СЕРГЕЕВНА *(опять грозит кулаком в сторону фотографий).* Но пусть они не думают! Талант видно из 78 ряда! И про бездарность всё понятно через пять минут после начала спектакля! Так что не нужны никакие рецензии, звания и прочее!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, дай собраться, говорю?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ещё раз говорю: сколько не перекрашивай собаку в енота, она собакой и останется!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты кого это собачишь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да не про тебя.

ВЕРА ИВАНОВНА. А-а, про них.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Про них. Не вопрос. О, как я люблю этот неугомонный творческий зуд бездарностей!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты про что опять?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да про этих.

Пауза.

Нина Сергеевна надела очки, взяла листки бумаги со стола.

Слюнит палец, листает.

ВЕРА ИВАНОВНА. Давай.

НИНА СЕРГЕЕВНА. С первой картины?

ВЕРА ИВАНОВНА. С первой. Читай ремарку.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, всё-таки, как я вовремя ушла из артисток.

ВЕРА ИВАНОВНА. Слушай, это какое-то сумасшествие. Иди, сядь, стой, не двигайся! Ты не ушла! А тебя «ушли»! Тебе семьдесят лет! Заткнись, триндычиха! У тебя на каждое слово – десять! Тихо! Девяносто рублей зарабатываешь! Молчи! Действие первое! Явление первое! Читай ремарку! Начали!

Молчание. **Нина Сергеевна** пыхтит, тербит в руках листочки.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Пожалуйста. *(Громко).* «Графиня выходит в зало и стоит посередке. Из правой двери выглядывает Анхелина». Ну, всё, говори своё.

ВЕРА ИВАНОВНА *(вдруг подняла руки в воздух, подбежала на цыпочках к пальме, принялась с улыбкой тонким голосом «петь», глядя вытаращенными глазами в стенку).*

«Скажи мне, Анхелина,

А где наш граф, который ночью

Поздно вдруг явился, растрепан,

Не в себе, не в духе,

На себя не обратился,

Где спит он? Он упал или лежит

У нашего камина?!

Скажи скорей, скорее-е-е-е-е!

Всеобъемлющее-е-е-е-е!»

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. А это что за последнее слово?

ВЕРА ИВАНОВНА. «Всеобъемлюще-е-е-е-е-е!»

НИНА СЕРГЕЕВНА. А что оно значит?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты пьесу решила обсуждать? Откуда я знаю.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Артисты должны хотя бы понимать смысл того, что они произносят.

ВЕРА ИВАНОВНА. Не обязательно. «Всеобъемлюще-е-е-е-е-е» и всё.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что ты блеешь, коза?

ВЕРА ИВАНОВНА. «Всеобъемлюще-е-е-е-е-е». Красиво.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Слушай, а что это за пьеса такая беспонтовая?

ВЕРА ИВАНОВНА. Почему это – беспонтовая? Очень даже понтовая.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да не вопрос – беспонтовая. Это Лопе де Вега, что ли?

ВЕРА ИВАНОВНА. Нет. Это наш, местный автор. Публика хочет красивого, костюмного спектакля, вот он и написал.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да где они такого автора беспонтового нашли? Это же нескладно?

ВЕРА ИВАНОВНА. Дура. Ты не ори так, тише ты. Это сын нашего губернатора, подался в писатели, написал такую пьесу, принес в театр, пообещал оплатить костюмы, декорации, гонорар режиссёру и художнику, всё абсолютно оплатить пообещал, вот его пьесу и взяли.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да это ж чушь. Откуда у парня испанская грусть? И что он пишет про Испанию 16 века? Писал бы про наркоманов, проституток, бомжей, про геев, про лесбиянок. Сейчас вся такая новая драма, только это всем и подавай. А он – про Анхелину.

ВЕРА ИВАНОВНА. Публика хочет красивого.

НИНА СЕРГЕЕВНА. А при чем тут ты?

ВЕРА ИВАНОВНА. У него в Испании недвижимость куплена, вот он и пишет про это, про что знает. Он, поди, туда ездит-летает раз в неделю.

НИНА СЕРГЕЕВНА. «Всеобъемлюще-е-е-е-е».

ВЕРА ИВАНОВНА. Может, и чушь. Ты права. Но главная роль. И потом: хороший артист телефонную книгу так сыграет, что ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не рассказывай мне сказки про хороших артистов. Пьеса должна быть: положи её на суфлерскую будку – сама сыграет.

ВЕРА ИВАНОВНА. Таких пьес давно никто не пишет. Главное сейчас: смутно, туманно, настроение, атмосфера и чтоб смешнее было.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну, а чего ты тогда в эту чхинчхапуру лезешь?

ВЕРА ИВАНОВНА. Это не чхинчхапура!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Это – чхинчхапура.

ВЕРА ИВАНОВНА. Что это за слово такое ты придумала?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Чхинчхапура – это: чушь, барахло, ерунда.

ВЕРА ИВАНОВНА. Нет, не ерунда. Нет, не чхинчхапура. Тут есть тема. Тут – материнство!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Потому что главная роль. Пусть будет полная чхинчхапура, но чтоб главная роль. И что я была вся в белом - и всё.

ВЕРА ИВАНОВНА. Хорош! Хватит! Я правильно по тексту говорила или нет?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Всё ты правильно говорила. Всё ты выучила. Я не нужна. Всё. Я пошла. Текст ты знаешь. 15 минут я поработала – 30 рублей с тебя. Давай.

ВЕРА ИВАНОВНА. Куда?

НИНА СЕРГЕЕВНА. На дачу ехать надо, понедельник, выходной, картошку садить. Всё ты знаешь, а всё придуриваешься. Тебе скучно дома сидеть. Ты меня в понедельник в театр тащишь.

ВЕРА ИВАНОВНА. Я тебя заплачу! Говори текст, сказала! Отвечай за Анхелину! Ну?!

НИНА СЕРГЕЕВНА (*прокашлялась, очки надела, занудно читает*).

«Наш граф лежит на пуфиках,
Возле камина, боки греет,
Он где-то был, боюсь признаться вам об этом,
О всеобъемлющем ...»

Пауза.

Да что он привязался к этому слову?!

ВЕРА ИВАНОВНА.

« Дак знаешь ты?»

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что я должна знать?

ВЕРА ИВАНОВНА. По тексту отвечай!

НИНА СЕРГЕЕВНА. А что там по тексту?

ВЕРА ИВАНОВНА. Читай!

НИНА СЕРГЕЕВНА (*читает*).

« Дак как же я не знаю?
Ведь я служанка ваша много лет.
Стираю, мою, чищу вам, варю
Так много, всеобъемлюще!»

Пауза.

Чушь. Дурота. Сапоги всмятку. Пердимонюкль какой-то.

ВЕРА ИВАНОВНА.

« Дак отвечай же, что ты знаешь

Такого, всеобъемлющего,

Много, всеохватившего,

Скажи, скажи скорей!»

НИНА СЕРГЕЕВНА.

« Да он с пастушкой связался,
Из поселения, что тут, напротив замка
Расположено.
О, это видно всеобъемлющая страсть
Или сказать точнее – страстная любовь!»

Пауза.

Какой бред. Бред сивой кобылы. Кобылятины, я бы даже сказала. Знаешь, что это мне напоминает? Известную присказку: «На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный: в задку чеснок толченый, с одного боку режь, а с другого – макай, да ешь».

ВЕРА ИВАНОВНА. При чём тут «макай, да ешь»?

НИНА СЕРГЕЕВНА. А «макайдаешь» тут при том, что такой же идиотизм потому что! Эта пьеса написана по мотивам Кафки! А ещё Истории СССР и приключений Буратино! «Макайдаешь», «макайдаешь» всеобъемлющее!!!! О-о-о-о!!!!

Пауза.

А как пьеса называется?

ВЕРА ИВАНОВНА. « Всеобъемлюще».

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что, так и называется?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Так и называется.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Катастрофа. Клиника. Пердимонюкль полный.

ВЕРА ИВАНОВНА. Нет, не пердимонюкль!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Пердимонюкль! Лучше уж назвать в духе всей репертуарной политики театра: «Поминальная молитва», или «Он, она, окно и покойник», или «Смерть Тарелкина», или «Всё кончено», или «Билет в один конец», а ещё лучше – «Пока она умирала». Или в крайнем случае: «Деревья умирают стоя». А это – ну это же какая-то всеобъемлющая катастрофа. Дальше-то – что? Дальше – тишина? Ещё хуже?

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну вот. А что дальше – я забыла. Вылетело. Это всё из-за твоих комментариев.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Молчу, не вопрос.

ВЕРА ИВАНОВНА. А если так будет на спектакле?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, вылетит у меня?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Дак ты по логике. Подумай и говори.

ВЕРА ИВАНОВНА. Чего по логике?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Чего там дальше-то должно быть?

ВЕРА ИВАНОВНА. Откуда я знаю? Скандал какой-то из-за этой пастушки. Потому что он не с этой пастушкой, а с этой служанкой, оказывается.

НИНА СЕРГЕЕВНА. С Анхелиной?

ВЕРА ИВАНОВНА. С Анхелиной. А она просто врет про пастушку.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну и вспоминай – с чего начинается и поскакали дальше.

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. По логике, не по логике – если мозги заскорузли, всё – дальше не идет.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Я знаю. Ты боишься, что тебя попрут на пенсию, вот и решила выучить эту роль. Не выучишь! А место суфлёра занято, вот тебя теперь только в уборщицы перевести смогут!

ВЕРА ИВАНОВНА. Нет. Выучу.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Тебя попрут.

ВЕРА ИВАНОВНА. Не попрут. Я – знамя нашего театра!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ага, знамя. С чего это? Знамя на древко надевают и им размахивают.

ВЕРА ИВАНОВНА. Вот мною и размахивают! Тихо! Давай ещё раз с самого начала. Читай ремарку. Так мне проще.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Сначала? Давай, раз пошло так. «Графиня выходит в зало и стоит посерёдке» ... Почему «в зало»-то? Может, «в зал»? И почему – «посерёдке», а не «посередине»? У сына губернатора образование – три класса начальной школы?

ВЕРА ИВАНОВНА. Распальцовку кончай, а? Что ты лезешь не в своё дело? Ты что – редактор или режиссёр? Твоё какое дело? Читай!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да не вопрос. Учти: осталось ещё полчаса и ты мне – девяносто рублей. И десятку плюс сверху – за вредность. *(Громко).* «Из правой двери выглядывает Анхелина». Ну, всё, говори.

ВЕРА ИВАНОВНА.

«Скажи мне, Анхелина,

А где наш граф, который ночью

Поздно вдруг явился, растрепан,

Не в себе, не в духе,

На себя не обратился,

Где спит он? Он упал или лежит

У нашего камина?

Скажи скорей, скорее-е-е-е-е,

Всеобъемлюще-е-е-е-е-е!» *(Бежит вокруг пальмы).*

НИНА СЕРГЕЕВНА.

«Наш граф лежит на пуфиках,

Возле камина, боки греет,

Он где-то был, боюсь признаться вам об этом,

О всеобъемлющем ... «

ВЕРА ИВАНОВНА.

« Дак знаешь ты?» *(Залезла на лесенку, ухватила за канат, раскачивается).*

НИНА СЕРГЕЕВНА *(смотрит на неё поверх очков).* Ты как-то по-новомодному, по современному ... Мейерхольд, блин ...

« Дак как же я не знаю?

Ведь я служанка ваша много лет.

Стираю, мою, чищу вам, варю

Так много, всеобъемлюще!»

ВЕРА ИВАНОВНА (*пробежала от кулисы к кулисе, включила фонари, встала в центре сцены*).

« Дак отвечай же, что ты знаешь
Такого, всеобъемлющего,
Много, всеохватившего всех нас,
Скажи, скажи скорей!»

НИНА СЕРГЕЕВНА.

« Да он с пастушкой связался,
из поселения, что тут, напротив замка
Расположено.
О, это видно всеобъемлющая страсть
Или сказать точнее – страстная любовь!»

Пауза.

Какой бред. Бред сивой кобылы. Ну, просто – бычок, в заднице чеснок: макай, да ешь. И что ты тут увидела? Какое материнство? Какая твоя тема тут? Где она? Ау?! Зачем ты лезешь в это хчинчапуру, в этот позор?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, это же только начало! Там дальше оно проклёвывается!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Кто?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Материнство!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Тут с вами не захочешь никаких девяносто рублей. То артисты отвратно играют и ты должен сидеть и смотреть это, то пьеса такое барахло, что нету слов. Всё. Я пошла. Знаешь, в грязи купаться со свиньёй – обе в дерьме окажетесь, но удовольствие получит только свинья

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты про кого это? Кидай реплики! Что я потом говорю? Ну, что там дальше?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ничего. Тут написано: «Графиня и Анхелина пляшут». С чего это вдруг?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, давай.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Я не поняла. То есть, Анхелина и Графиня пустились в пляс после этих слов про графа?

ВЕРА ИВАНОВНА. А тебе-то что?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, а какая логика? Какой повод?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, пляшут.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Дак какой мотив-то какой у них?

ВЕРА ИВАНОВНА. Мотив – элегия, радость какая – развесёлый-весёлый мотив.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да с чего они плясать-то начинают?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, может быть, им весело. Вот, я музыку принесла. Пусть играет.

Нажимает кнопку на магнитофоне.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да с чего они в пляс-то пустились?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Автору виднее.

НИНА СЕРГЕЕВНА. А если автор – идиот?

ВЕРА ИВАНОВНА. Начали! Давай, подпляши мне.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да с чего?! Я не подписывалась под этим. Я только реплики обещала.

ВЕРА ИВАНОВНА. Давай!

Звучит какая-то быстрая, радостная музыка.

Они обе приплясывают вокруг пальмы и венков.

Устали. Сели. Дышат тяжело.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что это за барахло? Эта музыка – не музыка. Скрипка, бубен и утюг. Новогодний утренник в детском саду для детей с отставанием в развитии.

Пауза. Молчат. Нина Сергеевна села за стол, закурила, трясёт ногой.

Ох ты, горе, муж Григорий. Хоть бы худенький – Иван.

Вера Ивановна встала у окна.

Смотрит на кран, который на стройке туда-сюда возит что-то на стреле на своей.

ВЕРА ИВАНОВНА. Нина ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Чего?

ВЕРА ИВАНОВНА. Вчера я сварила компот из мороженой калины и в квартире воняет солдатскими портянками, казармой.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну и что?

ВЕРА ИВАНОВНА. Говорят, калина очень полезна. Но нюхать компот из неё невозможно. Кошка сидит на подоконнике, окно открыто, там решетка, кошка смотрит туда, на волю, на воле - идет дождь. Сквозь кашу листьев, совсем тёмных к ночи, я вижу немножко небо: оно почти белое, там, за тучами. Идет дождь. А я думаю: там кто-то летит в самолете в небе. Куда-то летит, торопится. Смотрит из самолета на моё освещённое окно и думает: «Кто там не спит, у кого окно светится?» И не знает, что это я и кошка. *(Пауза, вытерла слёзы).* Сосед купил машину в апреле и ни разу не мыл её, машина стоит под окнами. Вот – помоем хоть дождь её. Листья клена упали на машину и лежат. В квартире тихо и темно. Я смотрю в окно. Весь вечер я не двигаюсь и смотрю в окно. И из всех углов квартиры ползет Вечность. *(Пауза).* Слышишь?!

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА *(громко).* А как ей не поползти? Кто калину варит? Калину протирают.

ВЕРА ИВАНОВНА. Откуда я знаю? Ты же знаешь: я ещё та хозяйка.

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. А мои обе кошки умерли. И Манюшка, и Лариска. Отвезла их в деревню на дачу и закопала в саду. Сначала одна, а потом через месяц и другая.

ВЕРА ИВАНОВНА. Обе?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Обе.

Пауза.

А где твои – сын, внучка?

ВЕРА ИВАНОВНА. У себя дома. Зачем я им нужна. А где твои – дочь, внук?

НИНА СЕРГЕЕВНА. У себя дома. Я им мешаю занудством. Учу жить, говорят.

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. Вот-вот.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Вот-вот.

ВЕРА ИВАНОВНА. Вот-вот.

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА *(встала, хлопает в ладоши, говорит громко).* Так, хватит сопли на кулак! Давай ещё раз. Итак! «Графиня выходит в зало и стоит посередке. Из правой двери выглядывает Анхелина». Ну, всё, говори.

Пауза.

Ну, говори?

Вера Ивановна рыдает. Говорит:

ВЕРА ИВАНОВНА.

«Скажи мне, Анхелина,

А где наш граф, который ночью

Поздно вдруг явился, растрепан,

Не в себе, не в духе,

На себя не обратился,

Где спит он, он упал или лежит

У нашего камина,

Скажи скорей, скорее,

Всеобъемлюще!»

НИНА СЕРГЕЕВНА *(достала платок, тоже вытирает слёзы).*

«Наш граф лежит на пуфиках,

Возле камина, боки греет,

Он где-то был, боюсь признаться вам об этом,

О всеобъемлющем ... «

ВЕРА ИВАНОВНА.

« Дак знаешь ты?»

НИНА СЕРГЕЕВНА.

« Дак как же я не знаю?

Ведь я служанка ваша много лет.

Стираю, мою, чищу вам, варю

Так много, всеобъемлюще!»

ВЕРА ИВАНОВНА.

« Дак отвечай же, что ты знаешь
Такого, всеобъемлющего,
Много, всеохватившего,
Скажи, скажи скорей!»

НИНА СЕРГЕЕВНА.

« Да он с пастушкой связался,
из поселения, что тут, напротив замка
Расположено.
О, это видно всеобъемлющая страсть
Или сказать точнее – страстная любовь!»

Рыдают обе.

Молчат.

ВЕРА ИВАНОВНА. Вот так вот.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ага.

ВЕРА ИВАНОВНА. Так что вот.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Так что – вот так вот.

ВЕРА ИВАНОВНА. Не говори.

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Давай – ещё раз?

ВЕРА ИВАНОВНА. Зачем?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Для бешеной собаки семь вёрст – не крюк.

ВЕРА ИВАНОВНА. Отстань. Всё ясно с тобой. Ты только мне мешаешь. Лучше с умным
потерять, чем с дураком найти.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Умный плачет, глупый скачет.

ВЕРА ИВАНОВНА. Кто тут умный-то?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Не вопрос. Давай ещё раз!

ВЕРА ИВАНОВНА. Зачем?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Затем, что – ёжики плакали, кололись, но продолжали жрать
кактус!

ВЕРА ИВАНОВНА. Хватит.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, ещё раз! Только теперь я за графиню! Ты неправильно это
делаешь! Понимать надо внутреннее действие, а оно, как ты помнишь, определяется глаголом!
Сквозное действие – это поэтапное развитие основного конфликта! Поняла? Нести надо
сверхзадачу! А сверхзадача – это точки соприкосновения дней минувших с днем сегодняшним!
Тут необходимо идти в поддан нижнего состояния героини!

ВЕРА ИВАНОВНА. Какой поддан, какого нижнего состояния?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Бывает такой «поддан»! Я вот покажу тебе сейчас материнство – не
вопрос! Я буду графиня! А ты – служанка! Как и положено! Как и было испокон веков! Смотри,
как надо! (*Читает*).

«Скажи мне, Анхелина,
А где наш граф, который ночью
Поздно вдруг явился, растрепан,
Не в себе, не в духе,
На себя не обратился,
Где спит он, он упал или лежит
У нашего камина,
Скажи скорей, скорее,
Всеобъемлюще!»

ВЕРА ИВАНОВНА.

«Наш граф лежит на пуфиках,
Возле камина, боки греет,
Он где-то был, боюсь признаться вам об этом,
О всеобъемлющем ...»

НИНА СЕРГЕЕВНА.

« Дак знаешь ты?»

ВЕРА ИВАНОВНА.

« Дак как же я не знаю?

Ведь я служанка ваша много лет.

Стираю, мою, чищу вам, варю
Так много, всеобъемлюще!»

НИНА СЕРГЕЕВНА.

« Дак отвечай же, что ты знаешь
Такого, всеобъемлющего,
Много, всеохватившего,
Скажи, скажи скорей!»

ВЕРА ИВАНОВНА.

« Да он с пастушкой связался,
из поселения, что тут, напротив замка
Расположено.
О, это видно всеобъемлющая страсть
Или сказать точнее – страстная любовь!»

Пауза. Рыдают обе.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Вот так вот материнство-то играют, а ты мне тут ...

Молчат долго.

Ну, мы и пофестивалили с тобой ... От, пофестивалили, а?!

ВЕРА ИВАНОВНА (вдруг). Что ты всю жизнь на меня злишься, что я тебе сделала, что, что, что?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что? А ты не знаешь? Потому что ты, потому что ты, потому что ты ... Ты тогда наступила мне на ногу, и я вскрикнула! И нога вспухла! И я была полгода в гипсе!

ВЕРА ИВАНОВНА. Да какой гипс?! Когда это?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. И я тогда не получила главную роль в новом спектакле – из-за тебя!

ВЕРА ИВАНОВНА. Когда это?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Забыла?! Когда мы играли пьесу «Гуманоид в небе мчится и кричит: «Бросай учиться!» Я играла пионерку, а ты пионервожатую!

ВЕРА ИВАНОВНА. Пионеркой была я, а ты пионервожатой – без слов!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ты наступила мне тогда! Ты наступила мне на ногу, на ногу, на ногу!!!! Ты мне жизнь поломала!

ВЕРА ИВАНОВНА. Что ты крайних в своей судьбе ищешь?! Это было сорок лет назад!

НИНА СЕРГЕЕВНА. И что?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ты из-за этого десять лет со мной не разговаривала?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. И не разговаривала! Надо принципы иметь! Ты хотела подставить меня, показать в дурном свете и показала! И именно с этого у меня пошло всё – наперекосяк!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, теперь скажи, что это именно я тебе карьере поломала, ну?

НИНА СЕРГЕЕВНА. А кто ещё? Ты! А второй раз ты толкнула меня локтем в гардеробе, помнишь, двадцать четыре года назад, специально толкнула, да, я знаю!

ВЕРА ИВАНОВНА. Двадцать четыре года назад?!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Я не больная, я знаю точно, что ты меня толкнула!

ВЕРА ИВАНОВНА. После первого случая ты не здоровалась со мной десять лет, после второго – двенадцать. Мы полжизни с тобой не разговаривали! Ты понимаешь?! Из-за чего?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да! Я с тобой не разговаривала полжизни!

ВЕРА ИВАНОВНА. Мы всю жизнь почти не разговаривали из-за того, что один раз я тебе наступила на ногу на сцене сорок лет назад, а двадцать четыре года назад я тебя толкнула локтем! Ты дура набитая! Мы полжизни не разговаривали из-за ерунды!

НИНА СЕРГЕЕВНА. У нас с тобой вечный конфликт!

ВЕРА ИВАНОВНА. Из-за чего у нас с тобой может быть конфликт?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Из-за чего вообще у баб может быть конфликт? Только из-за мужиков.

ВЕРА ИВАНОВНА. Каких мужиков? Посмотри на меня и потом на себя в зеркало!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Я прекрасно выгляжу.

ВЕРА ИВАНОВНА. Это я прекрасно выгляжу.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну дак, ты всю жизнь живой кровью питалась! Руки по локоть в крови!

ВЕРА ИВАНОВНА. Я никого не сожрала!

НИНА СЕРГЕЕВНА. Жрала!

ВЕРА ИВАНОВНА. А вот ты ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нет, это ты, ты, ты, ты увела его у меня!

ВЕРА ИВАНОВНА. И его уже нет, уже десять лет как нет! Спился, заигрался, загулялся, истаскался, помер, я уж не помню, как он выглядел-то! Мы что с тобой, одни у него, у красавчика у нашего, у Игоря Николаевича, были?! Ты забыла, что он не только с тобой и со мной жил, не только тебе и мне оставил наследство, но что у него было ещё пять официальных и неофициальных жён: Ира-простодыра, Люба-слезь-с-дуба, Света-вот-тебе конфета, да ещё и наша буфетчица у него была – Наденька-жопка-гладенька!

Пауза.

Молчат долго.

НИНА СЕРГЕЕВНА. И что? Я пошла.

ВЕРА ИВАНОВНА. Я тебе признаюсь вот в чём ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что, ещё хочешь парочку заявок сделать? Делай! Мне всё равно!
Без меня!

ВЕРА ИВАНОВНА. Нет, Нина. Это я.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что?

ВЕРА ИВАНОВНА. Это я написала эту пьесу.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Какую?

ВЕРА ИВАНОВНА. Про графиню. Вот эту вот. Про всеобъемлюще ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ты?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Я.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Зачем?

ВЕРА ИВАНОВНА. Пойми, я хочу обновить им репертуар, что-то чистое и светлое предложить ... Ну, нельзя же всякое покойническое играть ... И так страшно ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Всё. Туши свет. Ахелина, графиня, необъемлюще.

ВЕРА ИВАНОВНА. А что? А вдруг у меня талант был именно к этому? К писанию пьес? А вдруг я не раскрылась? А что – симпатично. Сейчас и не такое пишут.

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Всё, я пошла. Спина болит. Есть такое красивое слово «люмбаго». Ещё более красивое слово «ишиас».

ВЕРА ИВАНОВНА. От слова «ишак», что ли?

НИНА СЕРГЕЕВНА. И то, и другое означает: ты нараскоряку стоишь, не можешь ни рукой, ни ногой. Твои друзья «люмбаго» и «ишиас» приходят и садятся на тебя сверху тонной. И подпрыгивают. А ты себе с вечера вчерашнего планов напридумывала. А не вздохнуть, ни пукнуть не можешь утром. Одним словом: радикулит.

Пауза.

Всеобъемлюще. Объемлющее всё. Всю дурь. Устала. Уйду.

ВЕРА ИВАНОВНА. Стой. Не пойдёшь. Послушай. Нинка, дура. Дура ты моя лучшая в мире. Иди ко мне, я тебя обниму. Милая моя подружка ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Чего ты это? Чего?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Послушай! Послушай, я шла неделю назад по двору, вечером... Пусто, ветви деревьев нагнулись над песочницей, над машинами, пусто, ночь почти, никого, в окнах свет горит, люди поют и смеются за окнами, занавески ветер колышет, такая тишина и такая благодать. И вдруг вижу: на скамейке у нашего подъезда, прямо на спинке её кто-то, мальчишки, наверное, большими синими буквами написали большое красивое слово: «ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕ». Обычно ведь что пишут: «Мать-перемать, будем в шахматы играть», или «ДМБ» или ещё какую чушь ... А тут: «всеобъемлюще»! И эти слова - они будто загорелись, будто фейерверком вспыхнули передо мной, будто кто мне душу осветил, и я вдруг всё-всё ясно поняла, Нина! Я всё поняла! Всё объемлющий, это значит: могущий всё постигнуть, понять, обнимающий всё! Как, скажем, всеобъемлющий ум! Или высший разум, охватывающий всё, включающий в себя всё, всех, всеохватный! Понимаешь?! Если ты не любишь всеобъемлюще эту землю, этих людей, эти занавески, этот воздух, этот вечер, эту землю, эту жизнь одну и неповторимую – всеобъемлюще, Нинка, только всеобъемлюще и более никак! – если ты не так, если ты не всеобъемлюще-то тогда ничего нет! Нет ни вечера, ни листьев, ни песни, которая из окна, ни воздуха, ни мира, ничего нет! Это всё есть только в тебе, но этого нет на деле, это сон какой-то, это неправда! А если ты выпускаешь это себе в душу всё, до последнего колечка дыма твоего любимого, который сидел тогда на скамейке и курил, и смеялся тебе белыми зубами в темноте, если ты выпускаешь это в себя-то становишься воздухом, вечностью, Нина! Нина! Если ты не видишь этого душой, то этого и нет, понимаешь?! Всеобъемлюще! Слышишь, Нинка! Все-объем-лю-ще!

НИНА СЕРГЕЕВНА. И что?

ВЕРА ИВАНОВНА. И то. Я пришла домой, села и написала эту пьесу. Я так много хотела сказать про жизнь, про любовь, а написала только это ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. И что?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ничего.

НИНА СЕРГЕЕВНА. А что мне написать: я шла вот вчера и на асфальте увидела надпись: «Люди добрые! Инопланетяне не злые!»

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, не знаю. Написала бы что-нибудь тоже ...

НИНА СЕРГЕЕВНА. Про зелёных человечков?

ВЕРА ИВАНОВНА. Да хоть бы и про них ...

Пауза.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Всеобъемлющая, всеобъемлющее ...

ВЕРА ИВАНОВНА. Он всеобъемлющ, она всеобъемлюща, оно всеобъемлюще ...

Пауза.

Помнишь, как у Пушкина: «И равнодушная природа нас встретит радостно у входа...»

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что она нас будет встречать радостно и с плясками у входа? О чем ты говоришь? Там не такой текст! Там:

«И пусть у гробового входа! Младая будет жизнь играть! И равнодушная природа! Красую вечною сиять!» ...

ВЕРА ИВАНОВНА. Может, и так. Забыла. (*Пауза*). «... О всеобъемлющая грусть! О всеобъемлющая радость! Я думать о тебе боюсь, и для чего ты мне досталась? ...» (*Пауза*). На ходу сочинила. Представляешь? Я чувствую в себе какой-то невероятный талант.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да я уже давно поняла, что ты – несостоявшаяся поэтесса. Только нескладно. Совсем нескладно. Я вот тоже так могу: «По кочкам, по кочкам! По маленьким мосточкам! В ямку – бух! Раздавили восемь мух!»

Пауза. Ходит по залу.

Скорей бы зима.

ВЕРА ИВАНОВНА. Зачем?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Я хочу сбежать от них от всех - на дачу, в деревню.

ВЕРА ИВАНОВНА. От кого?

НИНА СЕРГЕЕВНА. От всей родни, от этих внуков, от этих рогатых со свинячими носами (*кивает на фотографии*), от всех, всех ... Хочу ездить на машине, чтоб сама за рулем. Ездить в деревню. Зимой. Приехать, оставить машину на дороге, ведь все равно к дому не подъехать, валенки надеть, прийти по огороду в дом, печь затопить среди ночи. В дом вхожу – как заколдованное царство: всё стоит на своих местах с тех последних пор, когда я там была. Через два часа станет теплее. Через шесть – вообще кайф. Через 12 часов – как будто там всегда жили люди. И чтоб сидеть в доме, смотреть в окно, чтоб не было телевизора, радио, ничего, чтоб слушать тишину, чтоб ночью выйти и смотреть во дворе на большие звезды и чтоб говорить с Манюшкой и Лариской и с рябиной, которая выросла во дворе. (*Пауза.*) Вера, я всё думаю: Господи, я умру? Как все умирали? (*Пауза.*) Я умру. И там, где-то, когда-то, я буду вспоминать мою заснеженную деревню, печку, кошек, маму, папу, всех, всех ... И мою любовь.

Пауза.

ВЕРА ИВАНОВНА. Любовь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Была.

ВЕРА ИВАНОВНА. Была?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Была. Она была у меня, но совсем не то, что ты думаешь.

Пауза.

Ну, давай уже.

ВЕРА ИВАНОВНА. Чего тебе давать?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Девяносто рублей. Как промоутеру. И кончай вот это ...

ВЕРА ИВАНОВНА. Что?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Закрывай эту избу-рыдальню. Давай.

ВЕРА ИВАНОВНА. На. (*Достала деньги, сунула в руки Нине Сергеевне*). Пошли. Сдачи не надо.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Добрая ты. Не вопрос.

ВЕРА ИВАНОВНА. Добрая.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Пошли.

ВЕРА ИВАНОВНА. Идешь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Иду. Я ещё похожу, я вам ещё покажу, вот увидите. Не вопрос.

ВЕРА ИВАНОВНА. Увидим, увидим.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Увидите, увидите... Не вопрос.

ВЕРА ИВАНОВНА. Надо отмыть помаду с фоток.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Сами отмоют завтра. Придут на репетицию, увидят себя с рогами и носами и отмоют. У нас – самообслуживание.

ВЕРА ИВАНОВНА. А тебя обвинят. Или меня. Узнают, кто ключ брал и обвинят.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Нас с тобой не смогут обвинить. Никто не поверит, что мы своим лучшим друзьям – Свете, Ире, Любе – можем сделать такую подлянку. А если даже и так – да и чёрт с ними. (*Смотрит на фотографии*). Ишь, какие красавцы. Рот до ушей – хоть завязочки пришей.

ВЕРА ИВАНОВНА. Ну, тогда пошли.

Идут к двери.

Дак что у тебя в чемоданах?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Костюмы Колобка и Бабы-Яги.

ВЕРА ИВАНОВНА. Зачем ты их таскаешь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Была на халтуре в детском саду с утра, Колобка играла, потом – Бабу-Ягу. В одном садике – Колобка. А в другом – Бабу-Ягу. А что? Игровая программа, нормальная. Не вопрос - я умею с детьми общаться. Вот спина и болит. А что мне теперь, нельзя? Я хочу на сцену. Я в этих детсадиках сто лет Колобков и Баб-Ёг играю. Дети вырастают. Меня снова зовут.

ВЕРА ИВАНОВНА. Дак чемоданы тут оставишь?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Пусть стоят. Завтра утащу в гримушку, спрячу. (*Пауза.*) Ты мне вечером сделай дзынь-брынь.

ВЕРА ИВАНОВНА. В смысле?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Позвони, поговорим. Текст покидаем друг другу.

ВЕРА ИВАНОВНА. Сделаю. Сделаю я тебе дзынь-брынь. Пошли. Ну? Как ты?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Да всё в порядке. Ворошилов на лошадке. Пошли.

Идут к двери. Остановились.

ВЕРА ИВАНОВНА. Знаешь, что категорически запрещается женщинам?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Что?

ВЕРА ИВАНОВНА. Нельзя, чтобы у женщины была бы визитка, потом – женщинам запрещается произносить тосты, и потом – женщинам надо категорически запретить стоять в почётном карауле у гроба. Ты следи за этим.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ты к чему это?

ВЕРА ИВАНОВНА. Так, вспомнила важные вещи для женщины. Смотри, чтобы у тебя этого не было.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ясно. В этом во всём я не была замечена. Ни с визиткой, ни с тостами, ни у гроба. И ещё: женщинам запрещается писать пьесы.

ВЕРА ИВАНОВНА. Почему? Как раз можно.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Завтра что играем? «Всё кончено»?

ВЕРА ИВАНОВНА. Ага. Потом будет «Поминальная молитва», потом «Он, она, окно и покойник», потом «Смерть Тарелкина», потом «Пока она умирала», потом «Дальше – тишина», потом «Деревья умирают стоя». Но мы в этих спектаклях не заняты.

Идут к двери.

НИНА СЕРГЕЕВНА. Ну и что? Зато у нас есть ещё два в репертуаре. Где мы заняты. Хоть и в массовке, но заняты.

ВЕРА ИВАНОВНА. Какие это?

НИНА СЕРГЕЕВНА. «Вечно живые» и «Оптимистическая трагедия». Пошли.

ВЕРА ИВАНОВНА. Пошли.

Они взяли друг друга под локотки и пошли.

Идут.

Идут.

Ножку стула из входной двери достали, дверь открыли, пошли по коридору.

Идут.

Шепчут обе, бормочут себе под нос:

Всеобъемлюще ... Всеобъемлюще ... Всеобъемлюще ... Всеобъемлюще ... Всеобъемлюще ...
... Всеобъемлюще ... Всеобъемлюще ... Всеобъемлюще ...

Ушли.

Темнота.

ЗАНАВЕС